

Очарованная вдова

Автор:

[Кирилл Казанцев](#)

Очарованная вдова

Кирилл Казанцев

Воровская любовь

Король русского шансона Владимир Тверской убит неизвестными в собственной примерке. Через несколько дней после похорон к вдове артиста Анне обращается человек с явной уголовной внешностью и предъявляет документы, согласно которым Владимир должен неким «серьезным людям» ни много ни мало сорок миллионов долларов. Бандит настоятельно рекомендует выплатить деньги как можно быстрее и предупреждает, что, если Анна вздумает упрямиться, пострадают в первую очередь ее родственники. Ситуация кажется безвыходной, и вдова артиста близка к отчаянию. Но вдруг объявляется таинственный незнакомец. Он представляется другом Владимира Тверского и берет решение всех проблем на себя...

Кирилл Казанцев

Очарованная вдова

1

Фестиваль русского шансона был настоящим феерическим шоу. Площадкой для выступления самых лучших отечественных шансонье стал один из крупных дворцов культуры с поистине огромным залом. Зрители заполнили его под

самую завязку.

Сцену украшали шикарные, очень дорогие декорации. Каждый номер, как и выход ведущих, сопровождался качественным световым оформлением. Видеоинсталляции, под которые певцы выходили на сцену, приводили зрителей в неопиcуемый восторг.

Организаторы не зря вложили во все это хорошенькую сумму денег. Благодаря отлично продуманному антуражу давно известные песни засияли новыми красками. Восторженные зрители обожали своих кумиров, были готовы снова и снова идти на их концерты. По крайней мере, многие признавались в этом, когда журналисты, находившиеся на фестивале, обращались к ним с подобными вопросами.

Специально к фестивалю были подготовлены диски с подборками песен, которые звучали на протяжении всего праздника русского шансона. Публика раскупила их в одночасье. Это в век Интернета и доступности любой музыки посредством подключения к Сети! Благодарные поклонники не скупились, покупали не такие уж и дешевые билеты, приобретали упомянутые диски.

Гвоздем концертной программы был знаменитый российский шансонье Владимир Тверской. Публика встречала его с невероятным запалом. Свое выступление он предварил прочувствованными словами, адресованными зрителям. В который уж раз за свою певческую карьеру певец напомнил присутствующим, что Тверской – это его настоящая фамилия, а не творческий псевдоним, как думают многие.

Его слова сопровождались демонстрацией слайд-шоу. На огромный экран выводилась подборка интереснейших фотографий, связанных с жизнью и творческой биографией шансонье. Зрители смотрели на фотографии и слушали рассказ так внимательно, будто боялись упустить хотя бы одно слово. Когда Владимир поблагодарил их за это, зал взорвался бурными аплодисментами. Несколько дам совершенно разного возраста вышли к сцене и вручили любимому исполнителю букеты цветов.

Тверской исполнил более десятка песен. Публика была в трансе. Многие подпевали. У некоторых градом сыпались слезы из глаз.

Уж кто-кто, а Владимир Тверской, человек, безусловно, талантливый, умел настолько тонко коснуться струн русской души, что слушатель просто не мог оставаться безучастным к его песням. Это касалось и содержания композиций, и голоса самого певца, и особой манеры исполнения.

Радостные и грустные, о любви и о предательстве – его песни давно вызывали уважение, признание и любовь среди слушателей в России, странах бывшего Советского Союза и у наших эмигрантов, проживающих в дальнем зарубежье. Это был настоящий успех, которого достигали лишь считанные исполнители русского шансона. Владимир мог по праву этим гордиться.

Он и гордился. Чего уж греха таить. Правда, эта гордость никогда не была для него самоцелью и не превращалась в кичливую горделивость. Эта сдержанность опять-таки выгодно отличала его от многих коллег и добавляла лишний градус к безмерной любви слушателей.

На фестивале прозвучали самые лучшие песни Владимира Тверского: «Платформы-вагоны», «Январские дожди», «В Одессе мы пересеклись», «Викуша-предательница», «Малая Медведица»... Зрители кричали от восхищения и едва ли не бились в экстазе, не желая отпустить любимого певца со сцены.

Впрочем, организаторы на это и рассчитывали. Тверской не должен был вот так просто отпеть свою часть программы, а потом, после оваций и поклонов, передать эстафету другому исполнителю. Планировалось выдержать определенную паузу. Зрители продолжали бы орать, вызывая шансонье на бис. А он должен был высидеть эти пять-семь минут в гримерке, слегка переводя дух и полоща горло водой. После десяти песен подряд это было крайне необходимо.

Что же произошло на самом деле? Владимир Тверской откланялся и ушел за кулисы. Публика, основательно заведенная им, действительно продолжала громко реветь от упоения. Зрители сначала звучно скандировали его фамилию. Потом, словно заговоренные, повторяли: «На бис! На бис! Просим! Просим!» Звучали неумолкающие аплодисменты.

Однако время шло, но певец из-за кулис никак не возвращался. Минули и пять, и семь сценарных минут. Ожидание затягивалось, и это уже было явно ненормально. Да, публика могла простить ему любую задержку. Но у

организаторов были четкие представления о сценарии фестиваля, они требовали от всех участников неукоснительного выполнения определенных правил, связанных с этим.

Один из организаторов уже успел обратиться к продюсеру Тверского, пронырливому и вездесущему Артему Бренеру, с закономерным вопросом о том, что же происходит. В ответ Бренер лишь пожал плечами, сию же секунду сорвался с места и рванул в гримерку Владимира, расположенную в отдельном помещении.

Артем быстрым шагом добрался до заветных дверей.

– Володя, ты скоро? – спросил он через двери, полагая, что артист вот-вот выйдет. – А то публика уже волнуется. Да и организаторы злятся.

Ответа не последовало. В гримерке царил тишина. Продюсер постучался и хотел уже надавить на двери, однако те оказались незапертыми и тихонько приоткрылись сами.

– Володя, с тобой все в порядке? – с настороженностью в голосе полюбопытствовал Бренер, заглядывая в гримерку.

Он сразу заметил, что певец сидел на стуле в какой-то странной, не совсем естественной позе. Продюсер сразу же подумал, что Тверскому стало плохо, что он мог потерять сознание, или же, того хуже, с ним случился сердечный приступ. Бренер быстренько подошел к нему и тут же отшатнулся.

Шансонье был мертв. В его голове зияло пулевое отверстие. Неестественная поза легко объяснялась тем, что выстрел застал Тверского врасплох.

Артем успел многое повидать на своем веку, тем не менее вжал голову в плечи и машинально сделал несколько шагов назад. Он не хотел стоять прямо напротив окна, все же бросил беглый взгляд на него. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы разглядеть небольшое отверстие округлой формы, расположенное практически в центре стекла. Сомнений быть не могло – оно образовалось в результате выстрела, произведенного извне.

Но гримерка находилась где-то на уровне второго, а то и третьего этажа стандартного здания. Произвести выстрел, находясь прямо за окном, было невозможно. Разве что злоумышленник использовал бы в своих целях какой-нибудь подъемник или что-то в этом роде. Однако Бренер знал, что рядом со зданием, где проходил фестиваль, ничего подобного не было.

Вывод напрашивался сам собой – стреляли с относительно дальнего расстояния. Возможно, с крыши какого-то соседнего дома. В таком случае речь могла идти только о снайпере. При таком раскладе гибель Тверского вряд ли можно было списать на случайность или роковое стечение обстоятельств.

Стрелок, вооруженный снайперской винтовкой, наверняка прекрасно знал распорядок работы фестиваля, как и то, где расположено окно нужной ему гримерки. Это означало, он откуда-то получил всю информацию, необходимую для совершения убийства.

Неведомый снайпер произвел всего лишь один выстрел, который достиг цели. Пуля сразила шансонье «на самом подъеме творческих сил», как позже написали в некрологах. Единичный точный выстрел, каким бы цинично безмолвным он ни казался, тоже о чем-то говорил.

Прежде всего о том, что винтовку в руках держал отнюдь не любитель. Скорее всего, действовал профессионал. Расчетливый и хладнокровный убийца, умеющий без эмоций нажать на курок и пустить пулю в голову любого человека, за жизнь которого ему заплатили.

– Блин, так где Тверской? Мы не знаем, что делать! – С этими словами в гримерку влетел человек, обеспечивавший должный порядок выхода исполнителей на сцену.

– Боюсь, что здесь уже ничего не поделаешь, – осипшим голосом заметил продюсер. – Вызывай полицию и «Скорую помощь». Хотя «Скорая» точно ничем не поможет.

Мужчина, только что появившийся в гримерке, увидел Владимира Тверского мертвым, опешил и на какое-то время утратил дар речи.

– Ну, не стой! Давай же действуй! – поторопил его Бренер и сказал будто сам себе: – Видимо, придется свернуть концерт. Его продолжение вряд ли окажется возможным в такой вот ситуации.

Артем достал мобильник, набрал номер одного из организаторов фестиваля, сообщил о трагедии и попросил совета, что делать дальше.

После короткого ступора организатор предложил то же, о чем только что думал сам продюсер.

– Если концерт будет продолжаться, а зрители потом узнают, что мы утаили факт гибели их кумира, то они нас попросту не поймут, – говорил тот. – Я не хочу, чтобы потом про нас говорили: «А-а-а, это те самые, что плясали на костях Тверского». Нам такая слава ни к селу ни к городу. Выйди к публике и скажи то, что должен.

В зале уже царила некоторая растерянность. Любимец публики все не выходил на сцену. Когда из-за кулис появился Бренер, зрители на мгновение затихли, однако затем по залу прокатился шумок недоумения. Человек, вышедший из-за кулис, не был ни Владимиром Тверским, ни одним из ведущих, ни даже следующим исполнителем, указанным в программе.

Артем подошел к микрофону, выдержал небольшую паузу, потом проговорил:

– Дорогие друзья, с прискорбием должен вам сообщить, что Владимир Тверской несколько минут назад был убит. Это тяжелая, невозполнимая утрата. Я думаю, что вы с пониманием отнесетесь к решению организаторов фестиваля остановить наш сегодняшний концерт. Ждем вас завтра. Надеюсь, что убийца будет найден и понесет суровое наказание.

Публика с замиранием ловила его слова. Пока он говорил, в зале царила полная тишина. Когда же продюсер закончил, народ негодуяще загудел. Люди не могли поверить в произошедшее. Многие были просто в шоке от услышанного. Некоторые зрители не смогли сдержать слез. В первую очередь это, разумеется, были женщины. Однако в атмосфере, воцарившейся в зале, нашлось место и скупым мужским слезам.

«Что же это творится?» – «Да как такое могло случиться?» – «Как же теперь без него?». То там, то тут раздавались вопросы, на которые не было ответов.

Зрители потянулись к выходу. К этому времени уже успела появиться полиция. Здание было оцеплено. Каких-то полномочий по отношению к публике у правоохранителей не было. Максимум, что они могли делать, так это проверять документы у так называемых подозрительных лиц. Однако это практически сразу вызвало ропот и открытое недовольство среди поклонников русского шансона.

Организаторы фестиваля были вынуждены обратиться к полицейским чинам с просьбой прекратить данную процедуру. В этом им было отказано с намеком на формулировку «препятствие осуществлению деятельности правоохранительных органов». Правда, выборочную проверку документов стражи порядка вскоре все-таки прекратили. Среди зрителей нашлись достаточно влиятельные люди, которые позвонили куда следует с просьбой остановить беспредел.

Между тем вестибюль гудел, словно пчелиный улей. Люди переговаривались между собой. Многие звонили родственникам и друзьям, чтобы сообщить им трагическую новость.

Журналисты безуспешно пытались получить хоть какие-то подробности о гибели Тверского. Ничего не добившись, они устроили опрос поклонников его творчества. Что-нибудь да пригодится для выдачи в эфир.

К служебному входу подъехала машина с медиками. Их уже ожидали в дверях, чтобы встретить и провести в гримерку.

Молодая жена убитого Анна Тверская должна была подъехать в концертный зал как раз к моменту выхода мужа на бис. После короткого отдыха он планировал исполнить среди прочих две новые, но уже полюбившиеся народу песни: «Тишина острожная» и «Анна, наша встреча не случайна». Обе были посвящены любимой супруге. После их исполнения она должна была выйти на сцену к мужу. Но этой задумке не суждено было осуществиться.

Анечка, как ласково называл ее супруг, немного запаздывала. Она звонила Владимиру, чтобы сообщить об этом, но тот не отвечал на вызов, хотя по сценарному графику должен был как раз находиться в гримерке. Тверская все-

таки рассчитывала, что прибудет в зал хотя бы к концу выступления мужа на бис.

Она подъехала к зданию культурного центра и с недоумением обнаружила толпы зрителей, выходящих оттуда. Женщина не поверила своим глазам, подумала, что перепутала время, сверила часы. Все правильно. Но зрители все равно покидали здание.

Радиостанция, на волну которой был настроен приемник в автомобиле Анны, вдруг прервала трансляцию песенного марафона. Диджей оповестил радиослушателей о том, что по непроверенным данным на фестивале русского шансона произошла трагедия.

Молодая женщина смутилась, не дослушала сообщение до конца, выскочила из машины и влетела в здание. Она ни у кого ничего не спрашивала, но сердце ее уже было наполнено самыми тревожными предчувствиями. Анна торопливым шагом поднялась по лестнице на второй этаж и так же быстро направилась к гримерке. По пути ее остановили полицейские, но сразу же пропустили, узнав в ней супругу Владимира Тверского. Как-никак ей часто приходилось светиться на телевидении и в журналах вместе с мужем.

Возле гримерки Анна увидела настоящую толпу. Она не выдержала, побежала туда, растолкала всех и влетела внутрь. Женщина тут же застыла от недоумения, которое с каждой секундой перерастало в ужас. Любимый муж был мертв. Это не укладывалось в голове молодой супруги. Она не выдержала усиливающегося напряжения и зарыдала, заламывая себе руки.

В какой-то момент ноги ее подкосились, Аня пошатнулась, теряя сознание. Полицейские, находившиеся рядом, успели ее подхватить и усадить на стул. Кто-то из медиков полез за нашатырным спиртом. Такое вот событие оказалось чересчур тяжелым для этой женщины. Она уж точно не была готова к такому резкому повороту всей своей жизни. Злодейка-судьба нанесла страшный удар.

Владимир Тверской... Его имя давно успело стать нарицательным. У массы людей оно стойко ассоциировалось с колоссальным успехом в русском шансоне. Певца довольно часто называли вторым Михаилом Кругом. Ему это сравнение льстило, но Владимир старался никогда его не комментировать. В таких случаях он ловко уводил разговор в более приемлемое для себя направление.

Владимиру всегда хотелось быть самим собой, а не чьей-либо тенью. Для этого ему пришлось долго и усердно трудиться, искать свой собственный неповторимый образ в текстах песен и в вокале. Достичь этого удалось далеко не сразу. Первые два альбома, вышедшие еще в конце девяностых годов, были встречены публикой довольно прохладно. Но затем в его творчестве вдруг произошел серьезный перелом.

Третий альбом Тверского пришелся настолько по душе поклонникам шансона, что буквально все песни, записанные на нем, мгновенно стали хитами. Их можно было услышать по всей стране – от Калининграда до Владивостока. Тверской тут же стал народным любимцем. «В Одессе мы пересеклись. Я за девчоночку свою тебе оставил метку». Эту его песню подхватили миллионы благодарных слушателей разных возрастов, полов и социальных групп. Причем не образно, а в буквальном смысле.

Упомянутый третий альбом несколько раз переиздавался. Как он, так и последующие диски выходили миллионными тиражами. Песни необычайным образом подходили под формат большинства российских FM-радиостанций. Там охотно их брали и запускали в плотную ротацию, как говорится на жаргоне радищиков. Это еще больше подогревало интерес слушателей.

Рейтинг Тверского рос как на дрожжах. Множество музыкальных критиков удивлялось не столько его успеху, сколько тому, что шансонье постоянно присутствовал в медийном пространстве и никак не надоедал своим слушателям.

Один из таких критиков писал:

«Я с диком ужасом и странным трепетом наблюдал за головокружительным взлетом Владимира Тверского. Наблюдал и ждал, когда же у публики начнется пресыщение им. Но что же я увидел? Я увидел парадоксальную, лично для меня необъяснимую вещь: чем больше вокруг нас Владимира Тверского, тем горячее

любовь поклонников к нему. Нам, видимо, долго придется осмыслять этот факт и пытаться понять, что же на самом деле происходит в поле действия русского шансона».

Критик даже поерничать толком не мог, настолько его потрясали простые, неоспоримые факты. Результаты социологических опросов, проведенных радиостанциями, показывали, что Тверской стабильно входил в число самых популярных исполнителей этого жанра. Плакаты с его изображением можно было увидеть в совершенно разных местах. Они украшали кабины дальнобойщиков, комнаты в университетских общагах и даже караульные помещения при колониях строгого режима. Как бы кто ни пытался иронизировать и зубоскалить по этому поводу, на поверку все равно выходило, что творчество Тверского объединяло людей.

Чем больше росла популярность Владимира, тем сильнее слушатели хотели узнать подробности его жизни. Тверской оказался не тем типичным представителем российского шоу-бизнеса, кто вместе с продюсерами придумывает себе биографию с нуля и запускает подобного рода лапшу в массы с надеждой отыскать там чистые, доверчивые уши.

Тверской изложил свою биографию предельно правдиво, без всякого приукрашивания. Это опять же стало лишним плюсом, сработало на его успех. О своей жизни он рассказал в автобиографической книге. Она вышла небывалым для подобного рода литературы тиражом. Первое издание было сметено с полок книжных магазинов буквально в считанные дни.

На страницах книги шансонье представал как человек нелегкой судьбы, который, однако, никогда не склонялся перед трудностями. Несколько глав были посвящены его аресту, суду над ним и последующей тюремной отсидке. Эта часть книги читалась как настоящий детектив, автор которого пытался выяснить, кто стоял за фабрикацией дела против него и проталкиванием соответствующего судебного решения.

Конкретные фамилии недругов Тверского в книге не назывались. Однако данное обстоятельство ничуть не мешало читателям сочувствовать автору и раскрывать для себя реальные основы его песенного творчества. Тем более что Владимир сам недвусмысленно намекал на это, предваряя главы эпиграфами, составленными из строк своих песен.

Для многих Тверской стал еще и примером того, как не пасть духом под ударами судьбы и взять реванш за прошлые неудачи. Нет, речь идет вовсе не о кровавой мести, а об успешной новой жизни. Бешеная популярность, многомиллионная армия поклонников, молодая жена-красавица, масса друзей, которые всегда готовы прийти на помощь. По крайней мере, именно так все и выглядело со стороны.

Творческая деятельность была для Тверского весьма неплохим, однако отнюдь не единственным источником получения доходов. Он владел сетью ресторанов и звукозаписывающей студией и вел свои дела весьма успешно. Общая годовая прибыль с учетом концертной деятельности и немалых отчислений за песни составляла такую приличную сумму, что Владимир уже за первые несколько лет активного занятия бизнесом прослыл более чем состоятельным человеком.

В том, что он сумел сколотить капитал, ничего удивительного не было. Многие его поклонники видели в этом положительный пример для себя, хотя мало кому из них удавалось оторвать пятую точку от дивана и повторить подвиг любимого исполнителя. В любом случае он был и оставался эдаким маяком, путеводной звездой для массы людей.

Рядовой слушатель в своем большинстве особо не заморачивался насчет того, что Тверской делает со своими деньгами. Заработал так заработал, пусть тратит их так, как захочет. Лишь самые завзятые его почитатели, да и вообще те люди, которые волей или неволей следили за головокружительной карьерой Владимира, отмечали для себя наличие определенных слухов о судьбе его денег.

В течение нескольких последних лет Тверской якобы направлял все свои доходы куда-то за границу, на номерной счет, открытый в офшорной зоне. А офшор, как говорится, он и в Африке офшор. Полное отсутствие налогов или же серьезные льготы для иностранных клиентов – вот то, что всегда привлекает финансовые потоки в эти дивные места.

Даже если слухи насчет перевода денег Тверского и были правдой, то его самого стоило привести в пример как человека, использующего один из самых эффективных методов минимизации налогов. Многие знатоки подобных дел оценили бы это положительно. Однако, безусловно, нашлись бы и такие патриоты, которые стали бы критиковать его за уход от уплаты налогов в своей стране.

Так или иначе, но после убийства шансонье весь его разносторонний бизнес и всяческие богатства должны были перейти к его молодой жене. Точнее, вдове. Вот слово, от которого Анну бросало в дрожь не меньше, чем от мысли о том, что ей теперь придется управлять всеми капиталами погибшего мужа.

Кто и за что мог убить популярного исполнителя, сразу сказать было невозможно. В его биографии и бизнесе было накручено столько всякого, что мотивов у кого-то могло отыскаться сколько угодно, причем по самым различным поводам. Следствию еще предстояло выяснить, что могло подтолкнуть неизвестного человека нанять киллера и заказать ему убийство Тверского. Песенное творчество Владимира? Его ресторанный и звукозаписывающий бизнес? Какие-то личные мотивы?

Ответов на эти вопросы не имелось. Все это пока было покрыто густым мраком тайны. Впрочем, говоря о заказчике, полиция не сбрасывала со счетов и ту версию, что непосредственный убийца мог сам быть инициатором преступления. Однако доказать или опровергнуть ее опять-таки еще только предстояло. Даже самые первые обстоятельства дела показывали, что его распутывание будет отнюдь не таким простым.

3

Гражданская панихида проходила в том же культурном центре, где и фестиваль русского шансона, организаторы которого, кстати, решили все-таки не продолжать это мероприятие. Поклонники погибшего отнеслись к данному факту с пониманием. Не было зафиксировано ни одной попытки сдать купленные билеты и вернуть деньги, ранее отданные за них.

Панихида началась в десять часов. Однако на улицах, ведущих к культурному центру, уже с самого раннего утра стояли наряды полиции. К месту гражданской панихиды они пропускали только автомобили лиц, особо приближенных к усопшему. По одним только блатным номерам шикарных бронированных машин можно было понять, что проводить в последний путь Владимира Тверского прибыли весьма авторитетные люди. Среди них немалую часть наверняка составляли те, кто вполне мог быть героем его песен, в том

числе и самых известных из них.

После панихиды катафалк с телом покойного должен был проехать на Троекуровское кладбище. Над улицами, ведущими туда, висели траурные растяжки: «Царствие небесное и вечный покой. Скорбим о тебе, Владимир». В разных местах города было установлено более сотни биг-бордов с портретом улыбающегося Тверского и строками из разных его песен.

На гражданскую панихиду приехали коллеги по шоу-бизнесу и некоторые политики. Где-то около полудня в зал, где располагался гроб с телом погибшего, начали пропускать и обычных людей, которые хотели отдать дань памяти любимому певцу. Об этом было заранее объявлено через средства массовой информации и на официальном сайте Тверского. Там же было оговорено, что время на это отводится весьма ограниченное – полтора часа. После этого по улице, прилегающей к зданию, должна была двинуться похоронная процессия. Планировалось, что ее участники дойдут пешком до скверика, а оттуда на машинах и автобусах отправятся на кладбище.

Заключительная часть панихиды затянулась. Люди шли и шли. Подножие гроба было усыпано цветами. Вдова не могла смотреть на все это без того, чтобы снова и снова не заплакать. Это она дала добро на то, чтобы продлить еще хотя бы на полчаса допуск поклонников, желающих попрощаться со своим кумиром.

Когда это время минуло, несколько крепких парней подняли гроб и направились с ним к выходу. К ним сразу же присоединились самые близкие друзья и товарищи покойного. На улице за полицейским оцеплением стояло множество зевак. Первая часть похорон прошла без эксцессов. Если, конечно, не считать постоянного полуобморочного состояния вдовы.

Церемония продолжилась на престижном Троекуровском кладбище. Ее участники несли цветы и многочисленные венки – от поклонников, полиции, братвы, друзей... Не обошлось без телевидения и множества репортеров.

Полиция не только выставила оцепление. Некоторые стражи порядка были с камерами. Так же, как и телевизионщики, они вели съемку похорон. Вездесущие зеваки заполнили подступы к кладбищу и часть его территории.

Правоохранителям пришлось как-то регулировать это дело. Несколько особо буйных персонажей, выкрикивавших нецензурную брань в адрес покойника, пришлось скрутить и увести прочь с кладбища. Надо сказать, что подобные случаи были хоть и неприятным, но редким исключением из общего настроения, царившего на похоронах. Десятки людей рыдали. Сигналили сотни машин, скопившихся в районе кладбища.

Вдова держалась из последних сил. Как-то само собой получилось, что Анну, облаченную во все черное, сопровождали двое мужчин. С одной стороны рядом с ней шел генерал-майор МВД Валерий Кущенко, а с другой – кавказский вор в законе Резван Алиев. Оба трогательно поддерживали под локотки заплаканную женщину.

Одного внимательного взгляда на них хватало для того, чтобы понять, что эти мужчины на дух не переносят друг друга. Эту пикантную ситуацию можно было объяснить тем, что творчество Тверского сумело объединить противоположности. Ведь как Валерий, так и Резван не только находились в приятельских отношениях с погибшим, но и являлись рьяными поклонниками его песен.

Провести по высшему разряду похороны даже столь известных людей, как Тверской, – дело не такое уж простое. Тут нужны не только деньги и связи, но еще и недюжинные организаторские способности.

Как-то по умолчанию получилось так, что распорядителем похорон стал продюсер певца Артем Бренер. Уж что-что, а организаторские способности у него всегда были на высоте. Это, правда, было лишь частью его образа, в целом не очень привлекательного.

Этот продюсер всегда добивался хороших результатов. Но на то, как все это делалось, порой не хотелось даже смотреть. Почему? Да потому, что от его поведения за версту разило мелочностью и суетностью. Такие вот качества невольно вызвали отторжение. Это отмечали многие – и представители шоу-бизнеса, и журналисты, и слушатели.

Тот факт, что публика не освистала его при недавнем выходе на сцену во время фестиваля, был настоящим чудом. Он и сам это подспудно понимал. На похоронах Бренер старался быть вездесущим, но и незаметным. В результате

выходила все та же суетливость, что и обычно.

Кроме всего прочего, Бренер не раз посматривал на вдову с явным намерением подойти к ней. Но не для того, чтобы поддержать ее, как это делали Кущенко и Алиев. И не для того, чтобы переброситься с ней несколькими словами о ходе похорон. Все шло хорошо и без прямого участия Анны. У Артема к ней имелось какое-то дело, однако он никак не мог решиться и начать разговор. Не находилось подходящего повода или ситуации.

Да и вряд ли на похоронах можно вести какие-либо важные разговоры. Сам факт того, что человек в полном расцвете сил был вырван из жизни и его сейчас закопают в землю, волей-неволей заставляет хотя бы на время задуматься о бренности человеческой жизни. Многие авторитетные участники похоронной процессии примерили на себя трагический финал Тверского. В те секунды вряд ли кому-то из них приходило в голову думать исключительно о делах.

А что уж говорить о молодой вдове! Ее разум был затуманен горем. Она то и дело спрашивала Господа, за что ей ниспослана такая беда, и новые потоки слез неудержимыми водопадами обрушивались из ее глаз. Иногда этот вопрос вырывался наружу и звучал как причитание. В такие мгновения генерал и вор держали Аню еще крепче. Продюсер же снова и снова уходил в тень, не решаясь сказать женщине, убитой горем, то, что он хотел.

Чем ближе становился момент прощания с усопшим, тем сильнее плакала вдова. Она слышала речи друзей и авторитетных поклонников покойного мужа, видела его лицо, будто покрытое застывшим воском, и машинально отводила от него глаза, залитые слезами. Ее взор скользил по всем присутствующим и вдруг остановился на мужской фигуре, которая маячила чуть поодаль, у соседней могилы. Женщина вдруг встрепенулась, сама не зная почему.

Ее спутники тут же приняли это за очередной приступ истерики. Они в который уж раз были готовы помочь Анне устоять на ногах.

Вдова сначала подумала, что теряет рассудок. Незнакомый мужчина, наблюдавший со стороны за церемонией прощания, показался ей похожим на Владимира. Несколько секунд женщина боролась с желанием вскрикнуть: «Володя, это ты?!» Ей очень хотелось представить себе, что муж жив, что похороны – не более чем дорогой спектакль. Однако все было реальностью.

Трагической и безысходной действительностью.

Незнакомец тем временем чуть-чуть изменил свое местоположение. Аня смогла увидеть его в профиль и поняла, что схожесть этого таинственного наблюдателя с ее усопшим мужем не такая уж и очевидная.

Женщину охватило волнение. Она не могла понять, кто же такой этот немолодой мужчина явно уголовного экстерьера и почему он не подходит прощаться с Володей. Тут в ее воспаленном от горя мозгу родилась мысль: а не является ли этот странный незнакомец заказчиком убийства или даже тем самым снайпером? Она вздрогнула от этой догадки.

Кущенков и Алиев тут же отреагировали на это более сильной хваткой. Со стороны ее поведение выглядело вполне естественным. Тем более что как раз в это время какой-то браток произносил весьма прочувственную речь, от пассажей которой можно было содрогнуться даже не один раз. Чуть ли не половину ее составляли цитаты из песен Тверского. У всех, кто знал творчество Владимира и уважал его, эта речь и вправду вызвала если не слезы, то дрожь.

Однако в действительности Анна не слышала его слов. Она все всматривалась в незнакомца, стараясь запомнить его. Женщина была обескуражена. Без должных на то оснований в ней крепла догадка насчет того, что этот мужчина причастен к гибели ее мужа. Она даже вспомнила расхожее утверждение, что убийц тянет на место преступления и на похороны их жертв.

Вместе с тем вдова не знала, как следовало бы поступить в данной ситуации. Закричать «Держите убийцу!» она не могла. Это было бы чересчур для нее. Отойти от могилы, в которую еще не был опущен гроб с телом мужа, чтобы задать незнакомцу несколько вопросов, было так же неприемлемо. Это выглядело бы по меньшей мере странно в глазах многочисленных участников прощальной церемонии. Ну а для репортеров любой из этих поступков Анны Тверской оказался бы золотым самородком, позволяющим поднять рейтинг своих изданий или телепрограмм.

В какое-то мгновение женщина поняла, что логичнее всего было бы обратиться к командиру полицейского оцепления и попросить его, чтобы тот распорядился проверить личность этого неизвестного наблюдателя. Она уже хотела это сделать и стала искать взглядом Бренера. Однако в этот самый момент было

объявлено о том, что тело покойного сейчас будет предано земле.

Вдова бросилась к гробу, словно хотела задержать или даже остановить неминуемое. Валерий и Резван, не сговариваясь, позволили ей эту слабость. Аня рыдала, причитала, целовала гроб, руки мужа. Ее спутникам, да и всем остальным людям, присутствующим здесь, оставалось лишь проследить за тем, чтобы эта сцена не затянулась и не превратилась из-за этого в фарс. Соответствующий сигнал подал Бренер. Генерал и вор, охотно повинувшись едва заметному указанию продюсера, где-то уговорами, где-то силой оттащили вдову от гроба. Крепкие парни из похоронной службы водрузили крышку на ее законное место, защелкнули замки и начали опускать гроб в могилу.

В эти мгновения вдове точно было не до того, чтобы думать о каком-то странном незнакомце. Да и он отошел от соседней могилы и пропал из виду.

Многие участники похорон Владимира Тверского были приглашены на поминальный обед. Он состоялся в одном из шикарных ресторанов, который принадлежал убитому. Столы ломились от выпивки и закуски.

Если бы не общая достаточно гнетущая атмосфера, то можно было бы подумать, что здесь проходит корпоративный банкет или празднуется чей-то день рождения. Однако большой портрет Тверского с черной лентой в правом нижнем углу, который предварительно повесили на одну из боковых стен, сразу задавал нужное настроение. Человек с улицы, случайно попавший сюда, вряд ли смог бы принять это мероприятие за свадьбу или юбилей.

Впрочем, посторонним вход на поминки был запрещен. Охрана очень серьезно следила за этим, старалась фильтровать посторонних лиц. Задача была не из простых. Тем более что в заведение рвались люди явно уголовного вида, которые называли себя близкими друзьями покойного шансонье, но их в списке не было.

Понятно, что вдова такими вопросами заниматься не могла. Ситуацию разруливал Бренер. Продюсер сам решал, кого стоит пропустить на поминки сверх списка.

Поминальный обед должен был начаться со слов вдовы. Кущенко предупредительно наполнил ее рюмку клюквенной водкой. Анна встала, чтобы

сказать несколько слов в память о своем покойном супруге. Однако, едва начав говорить, женщина сбилась на слезы, и настоящей поминальной речи не получилось. Все присутствующие восприняли это с пониманием и осушили содержимое своих рюмок.

Все остальные ораторы, которые брали слово и произносили речи в память о Владимире, держались куда спокойнее. Произносились довольно типичные для таких мероприятий слова о покойном. Говорили, каким он был хорошим человеком, талантливым во всех отношениях, и прочее.

Многие вспоминали обстоятельства знакомства с певцом либо какие-то интересные эпизоды, связанные с ним. Было высказано немало заверений в том, что Владимир Тверской никогда не будет забыт, а также пламенных обещаний найти и покарать негодяев, виновных в его гибели.

Особенно выразительно это прозвучало из уст Кущенко и Алиева. Генерал и вор в законе заявили, что убийце и заказчику преступления объявлена священная война. Они обещали, что земля будет гореть под ногами этих негодяев. Они сами рады будут поскорее попасть в ад.

Жесткость подобных речей все воспринимали как нечто должное. Снова и снова поднимались рюмки. То и дело звучали фразы «Покойся с миром», «Пусть земля тебе будет пухом» или же просто «Так помянем же Володю».

Когда слово было предоставлено Бренеру, он поднял рюмку и на секунду задумался. Со стороны было трудно понять, действительно ли продюсер обдумывает свои слова или же просто играет на публику.

Его речь оказалась довольно пространной. Казалось, что он не произносил поминальную речь, а давал интервью или вещал на камеру во время съемок документального фильма. В своем выступлении он изложил всю историю его сотрудничества с Тверским, от самого начала и до последнего дня жизни певца. Бренер рассказал об их давнем знакомстве, вспоминал о казусах, происходивших в концертных турах, преподносил Владимира как остроумного и находчивого человека.

При этом Артем не забывал вставить пять копеек и о себе, любимом. Дескать, бывали моменты, когда именно он вытаскивал столь популярного шансонье из

неприятных ситуаций.

Присутствующие не очень-то желали это слушать. Отдельные личности начали тихо роптать, намекая на то, что продюсер мог бы уже и замолчать. Заявить об этом громко никто не решился, но отнюдь не из-за тактичности, а из уважения к памяти покойного. Присутствующие не хотели превращать поминки в подобие перебранки.

Журналистов в ресторане почти не было, лишь несколько давно прикормленных представителей двух журналов. Они никогда не написали бы ничего плохого о поминальном обеде. Но любой инцидент вполне мог получить резонанс, попасть на страницы других изданий и сайтов, отливающих желтизной намного сильнее, а то и в какие-нибудь телепередачи, адресованные самому невзыскательному зрителю.

При нынешнем-то развитии ТВ склепать сюжет о тех же поминках запросто можно, не имея ни одного документального видеоматериала с места событий. Достаточно вкрадчивого интригующего голоса за кадром, который озвучивал бы любую сплетню. А сами поминки можно инсценировать в какой-нибудь студии и подать на экраны слегка затуманенную картинку, где не было бы понятно, реальные ли это люди или же актеры. Ведь предупреждения «Внимание! Постановочное видео», набранного малюсенькими буквами, среднестатистический зритель попросту не заметит.

Так или иначе, но становиться зачинщиком скандала никто из участников поминок не хотел. Поэтому, несмотря на негромкое роптание некоторых особо щепетильных персон, Бренер продолжал говорить. Он словно и не замечал того факта, что его затянувшаяся речь поднадоела людям самого разного кроя.

Впрочем, вдова слушала его с каким-то удивительным умилением. Если, конечно, так можно сказать о состоянии убитой горем молодой женщины, сидевшей за столом с грустной улыбкой, застывшей на лице, и утвердительно кивавшей едва ли не после каждого слова продюсера.

В конце концов Артем завершил свою длинную речь заверением в том, что будет всячески помогать Анне, и добавил:

– Чтобы Володя, смотря на нас с того света, был спокоен и даже рад за свою любимую жену.

По ресторанному залу прошелся шумок, раздались невольные вздохи облегчения.

Аня подняла голову, взглянула на Артема и поблагодарила его. На мгновение она вернулась к мысли о таинственном незнакомце, который наблюдал за похоронами. Это воспоминание так и щекотало ее.

Однако вдова все-таки не стала поддаваться искушению и не решилась рассказывать о своих подозрениях ни Бренеру, ни Кущенкову с Алиевым. Все равно в тогдашнем состоянии сколько-нибудь внятного рассказа у нее не получилось бы. Женщина промолчала. Поминки подходили к концу.

4

Еще не успела просохнуть земля на могиле убитого шансонье, а продюсер решил заняться делом. На следующее утро после похорон он направился в офис звукозаписывающей студии, принадлежавшей Тверскому. Формально – для того, чтобы разобраться со всевозможными хвостами, которые остались после гибели владельца. Речь шла о всяческих обязательствах перед клиентами, не выполненных до конца: запись альбомов, сведение и мастеринг треков.

В принципе гибель хозяина студии мало что меняла. Специалисты продолжали работать в прежнем режиме. Механизм функционирования студии был отлажен давным-давно. Помешать ее деятельности могли исключительно форс-мажорные обстоятельства.

Со стороны это может показаться странным, но убийство Владимира не входило в список обстоятельств подобного рода. Безусловно, наступил некий переходный период. Он должен был продолжаться до того момента, когда студия официально перейдет к новому владельцу. Точнее сказать, к владелице, как полагали многие, имея в виду молодую вдову.

Но, пока суд да дело, работы по обязательствам перед клиентами никто сворачивать не собирался. Это было бы чересчур невыгодно как для финансового положения студии, так и для ее авторитета среди музыкальной братии. Тем более что при наличии нужной суммы здесь записывались не только приверженцы русского шансона, но и все желающие. От прыщавых подростков, исполняющих подобие рэпа, до мэтров эстрадной песни, которые начинали свой звездный путь еще во времена приснопамятного развитого социализма.

Бренер сидел за компьютером, на жестком диске которого хранились файлы с финансовой отчетностью студии. Однако все то, что реально касалось не до конца выполненных обязательств по договорам с клиентами, он лишь бегло просмотрел. На самом же деле больше всего его интересовала другая часть финансовой документации, та самая, которая была связана с доходами покойного шансонье.

Вот на них-то продюсер и обратил свое самое пристальное внимание. Он тщательно изучал файл за файлом, фиксировал отдельные моменты в своей записной книжке.

Артем и без того знал, что Владимир получал большие деньги. Однако по документам его доходы в конце концов оказались гораздо более внушительными, чем можно было предположить. Основную долю прибыли давали концертные выступления. Этот момент был как бы само собой разумеющимся.

Вместе с тем не такую уж маленькую часть совокупной прибыли составляли отчисления по авторским правам. Согласно законодательству, любое использование авторского произведения должно оплачиваться. Безусловно, отследить все случаи использования песен Тверского было невозможно. Но там, где это все-таки удавалось сделать, отчисления шли. Это были деньги за его песни, звучавшие по радио и телевидению, за легальный контент на сайтах, занимающихся продажей музыкальных альбомов или отдельных композиций, рингтонов для мобильных телефонов, созданных на основе песен Тверского.

В одном из отчетов фигурировало замечание, что отдача от подобных продаж несколько упала из-за наличия некоей социальной сети, куда пользователи могли «залить» буквально любую музыку. И что же Тверской? Он оказался одним из первых, кто высказал претензии владельцам этой самой сети. Если другие музыканты или звукозаписывающие лейблы делали это громко, с явным

расчетом на скандал, то Владимир сам не хотел поднимать шума и пыли.

Администрация социальной сети безоговорочно пошла ему навстречу. Десятки тысяч файлов с песнями Тверского, незаконно загруженных в сеть, постепенно были заблокированы и удалены из нее. Прделано все это было настолько мастерски, что информация даже не просочилась в СМИ.

С тех пор пользователи этой социальной сети, вводя в ее внутренний поисковик имя и фамилию шансонье либо название какой-то его песни, получали нулевой результат. Поисковик их просто не находил. Когда ситуация с этим наладилась, законные продажи песен Тверского в Интернете несколько выросли.

Бренер читал обо всем этом и едва верил своим глазам. Владимир почему-то не посчитал нужным ввести его в курс дела, сообщить о тайных переговорах с администрацией социальной сети и всех вытекающих из этого последствиях. У него даже руки вспотели от волнения.

Бренер, как и очень многие другие продюсеры, считал, что ему серьезно недоплачивали за его работу. Артем полагал, что именно он сделал из Тверского настоящую звезду русского шансона, способную собирать большие концертные залы и целые стадионы зрителей.

В чем-то Артем был прав. Успех третьего альбома Владимира пришелся как раз на время, когда именно Артем стал его продюсером. Однако, трезво мысля, стоит заметить, что заслуг самого певца в этом деле было отнюдь не меньше. По сути, в то время они шли бок о бок, делая имя друг другу.

Однако теперь, на следующий день после похорон шансонье, продюсер ощущал себя незаслуженно обманутым. Чем глубже он погружался в изучение документов, тем больше крепла его обида. Он читал отчеты, а из головы не уходили вопросы, ответы на которые были вполне очевидными. Кому теперь достанутся все права на песни Тверского? К кому пойдут все финансовые потоки с этих песен?

Эти вопросы острой занозой засели в его голове. Почти на автомате он начал обдумывать ситуацию, сложившуюся после смерти Владимира. Бренер принялся искать возможные и невозможные ходы и схемы для того, чтобы все было не так однозначно predetermined, как казалось еще вчера.

Продюсер лихорадочно думал, открывал сайты с законами РФ, что-то заносил в ту же записную книжку. На это ушла уйма времени. Он так увлекся, что даже пропустил обед. Впрочем, эта увлеченность удивительным образом подавляла чувство голода. Часы показывали без двух минут четыре.

Артем отодвинул клавиатуру, закрыл записную книжку и откинулся на спинку стула. На его лице не было улыбки, но глаза весьма выразительно блестели. Ему явно пришла в голову какая-то идея, которой он был очень доволен. Это была не просто мысль, а целый широкомасштабный план. Он касался прав на песни и денежные средства Тверского в целом. В эти мгновения Бренер чувствовал себя великим стратегом.

Из колонок вырвался голос покойного шансонье. Интернет-радиостанция, программа которой звучала фоном, передавала песню Тверского «Фраер».

«А что ж ты, фраер, вздумал учудить?» Эти знакомые слова ударили продюсера по ушам, неожиданно заставили их покраснеть.

5

С момента похорон Тверского минуло несколько дней. Ресторан, где проходили поминки по нему, функционировал в своем обычном повседневном режиме. Он не был круглосуточным, и время работы как раз подходило к концу. Последние посетители покидали его стены. Охранники производили обход залов, дабы убедиться, что никто из посетителей ненароком не остался там. Они обращали внимание на то, не лежали ли здесь посторонние предметы – пакеты, сумки, свертки и так далее.

Все было чисто. Только в одном из отдельных кабинетов охранники нашли мобильный телефон. Такое случалось часто. В ресторане уже была отлажена своя система возврата вещей, оставленных здесь.

Параллельно с охранниками работали официанты. Они поправляли столы и стулья, убирали столовые приборы, приводили все в надлежащий порядок.

Одним словом, это был практически рядовой вечер, ничем не отличающийся от череды остальных. Новым было лишь то обстоятельство, что работники ресторана теперь волей-неволей вспоминали о своем хозяине, убитом совсем недавно.

Еще немного, и персонал был бы свободен. Все отправились бы домой или по своим делам. Однако внезапно произошло то, чего никто не ожидал.

Дверь служебного входа с грохотом распахнулась, и в помещение с криками ворвались трое вооруженных людей. Они были одеты во все черное, включая и маски наподобие тех, которые носят бойцы СОБРа.

Однако сразу можно было понять, что это вовсе не СОБР. Во-первых, людей, вторгшихся в ресторан, было маловато для столь серьезной структуры. Во-вторых, никто из этих громил не имел на своей форме каких-либо знаков отличия.

Один из них обладал жутко хриплым голосом. В обычной ситуации, услышав такой, можно было бы и засмеяться. От него тянуло чем-то мультяшным, будто говорил неуклюжий пират или бедолага волк, не успевший съесть Красную Шапочку. Однако при этом в голосе незнакомца было столько злости и ярости, что комичный эффект напрочь перечеркивался. По поведению же этого типа становилось понятно, что именно он в этой тройке за старшего.

– Так! Всем собраться в главном зале! – командовал он, держа наготове автомат. – И давайте без шуток, сигнализации и прочей херни. Иначе я лично продырявлю голову вот этой смазливой официанточке.

Громила держал на прицеле до смерти перепуганную девушку. Его подельники тем временем шарили по ресторану и выводили в главный зал всех, кого только сумели отыскать. Под дулами автоматов у стены были выстроены метрдотель, официанты, охранники, повара, уборщицы.

Тип с хриплым голосом тут же их пересчитал и остался доволен. По всей видимости, у него имелись сведения о количестве работников, находившихся в ресторане на момент налета. Все оказались в сборе. Именно это и было нужно главному налетчику.

Работники стояли лицом к стене. О том, что любая попытка повернуться без разрешения будет тут же пресечена, их предупредили сразу. Никто из obsługi не мог понять, что же на самом деле происходит. Ясно было лишь одно. Нежданный визит сих престранных господ не обещал ничего хорошего.

Налетчики держались развязно, явно чувствовали себя хозяевами ситуации. Их заправила медленно расхаживал неподалеку от стены, где были выстроены работники ресторана. В зале царила почти полная тишина. Он же нарочно чеканил свой шаг, чтобы каблук его военных ботинок цокали по полу. Эхо от этого цокота разлеталось по залу, добавляя напряженности в атмосферу, и без того насыщенную электричеством.

Его поделники куда-то вышли и после непродолжительной отлучки вернулись с двумя канистрами. Один из них вопросительно кивнул хриплому главарю. Тот жестом дал разрешение открывать канистры и приступить к делу. В зале сразу же запахло бензином.

Громилы спешно разливали горючее по полу, плескали его на стены и столы. Они старались делать это максимально аккуратно. В том смысле, что избегали попадания бензина на самих себя.

Главарь при этом ехидно посмеивался. Нет, не над своими поделниками, а просто работал на публику, добавлял нервозности. Ведь повара, охранники и все остальные работники ресторана уже догадывались, чем все это может закончиться.

Когда канистры опустели, поделники подошли к своему командиру.

Тот деловито кивнул и приказным тоном обратился к ресторанной obsługi:

– А сейчас по моей команде вы все развернетесь лицом к нам, – приказным тоном вещал он. – И опять же без глупостей. Не надо думать, что тот, кому суждено сгореть в огне, не будет застрелен. Итак, на «раз-два» вы поворачиваетесь. Раз! Два!

Работники послушно выполнили приказ. Хриплый тип тут же достал из кармана зажигалку и принялся издевательски щелкать ею, между делом посматривая на заложников. При этом он театрально изображал раздумье и озабоченность

очевидным вопросом: поджечь или не поджечь?

- Да что же вы творите? - не вытерпел метрдотель.

- Заткнись, - тут же прошипел один из громил и ударил того прикладом по колену.

Метрдотель застонал от боли и не удержался на ногах.

- Не надо никаких вопросов, да и ответов тоже не требуется, - самодовольно проговорил заправила налетчиков. - Мы сами, если захотим, скажем вам все, что нам надо. А может, и не скажем. Положение очень шаткое. Такое же переменчивое, как огонек в этой зажигалке. А вы так плохо себя ведете, будто и в самом деле хотите, чтобы из искры возгорелось пламя. Вы мечтаете о том, чтобы мы здесь все сожгли вместе с вами самими?! Вы этого желаете?!

Эти вопросы были озвучены совсем другим тоном. Главарь налетчиков сорвался на резкий крик. Впрочем, и это могло быть лишь частью разыгрываемого им спектакля.

Работники ресторана стояли повесив носы. Они силились смотреть в никуда, лишь бы только не остановить взгляд на ком-то из налетчиков, на вопросы отвечать не торопились. Да хриплому типу это и не было нужно.

Он еще несколько раз щелкнул зажигалкой, снисходительно хохотнул и сказал:

- Ладно. На первый раз достаточно. Пока мы прощаем вашу дорогую хозяйку. Но знайте, что такими добрыми мы будем только при определенных условиях. Передайте своей хозяйке, чтобы она подумала и решила, как и когда собирается заплатить долги. Она поймет, о чем я толкую. А если нет, то нам снова придется разозлиться. И вот еще что. Не вздумайте трезвонить о нашем разговоре. Ни менты, ни журналисты не должны ничего знать об этой вот встрече. Пусть она будет нашим маленьким секретом. Это так романтично. - Главный налетчик завершил свою тираду и неистово засмеялся, будто и в самом деле остроумно пошутил.

Его безудержного веселья никто не поддержал. Даже подельники лишь молча переглянулись.

– В общем, я вас предупредил, – бросил он обслуге на прощание и вместе со своими подручными спешно покинул здание ресторана.

6

Та ночь выдалась беспокойной и для родителей Анны Тверской. Жили они в подмосковном Подольске. Их аккуратный частный дом с верандой находился на самой окраине этого городка.

Старики были рады, когда их любимая единственная дочь вышла замуж. Они желали ей счастливой и долгой семейной жизни. Со стороны им казалось, что все к этому очень даже располагает.

Поэтому гибель Владимира стала для них личной трагедией. Они приняли ее очень близко к сердцу, причем в буквальном смысле. Аниной маме повезло, что под рукой находился валидол. В противном случае она вряд ли избежала бы сердечного приступа.

Муж тогда все равно вызвал «Скорую помощь». Врач осмотрел женщину, выписал ей лекарства и посоветовал меньше волноваться. Эта отличная рекомендация прозвучала как раз в ту пору, когда в Москве готовились похороны их зятя.

Родители Ани сразу поняли, что им лично проводить Володю в последний путь не суждено. Мама, глядя на слезы дочки, вряд ли сдержалась бы, а это могло лишь усугубить ее проблемы с сердцем. Поэтому они приняли единственно верное в данной ситуации решение, остались дома и заказали от себя венок на могилу Тверского. Они очень певца уважали и искренне скорбели о его преждевременной гибели.

Аня прекрасно понимала положение, в котором оказались родители, и ни в коем случае не настаивала на их присутствии на похоронах.

– Папа, ты уж лучше за здоровьем мамы последи, – сказала она тогда в телефонном разговоре.

Отец и без ее совета поступил бы именно так. Но и ему, и матери был важен тот факт, что дочка на них не обижается.

Женщине вроде стало немного лучше. Однако все дни после того, как она узнала о трагедии с зятем, ее мучила бессонница. Принимать снотворное было небезопасно. Оно никак не сочеталось с лекарствами от сердца, назначенными врачом. Поэтому родители Ани коротали ночи в тихих беседах либо просто молчали, держась за руки. Лишь иногда сон на короткое время одолевал кого-то из них. Анина мама чаще всего забывалась где-то поутру, иногда днем. Ночь оставалась временем господства бессонницы.

Не спали они и в ту ночь. Жена завела разговор о том, как Аня познакомилась с Володей и некоторое время не решалась рассказать им об этом. Дочь думала, что родители не поймут ее увлечения мужчиной, который был старше ее самой на 15 лет. Она не сомневалась в том, что они примут ее избранника таким, каким он был. С этими песнями, шлейфом славы, всенародной любовью и... деньгами.

Ее родители не бедствовали, но никогда не знали богатства. В таком же ключе они воспитывали и дочь. Поэтому у Ани были определенные сомнения, не воспримут ли мама и папа ее отношения с Владимиром Тверским как стремление к браку по расчету. Не восприняли. Ее опасения оказались напрасными.

– Помнишь, как Анята приехала к нам, чтобы рассказать обо всем? – говорила женщина мужу, лежа в постели. – Заходит в дом. Старается скрыть волнение. Собирается с духом, чтобы поведать о своем избраннике. А ты в это время сидишь возле приемника, слушаешь и подпеваешь. Помнишь, какая это песня была?

– Конечно, помню, – с усмешкой проговорил отец. – «Викуша-предательница». «Что ж ты, Викуша, сделать решила? За что невзначай меня погубила?»

– Да-да. – Жена улыбнулась. – Аня это увидела и поняла, что переживать нечего. Раз уж отец...

Договорить она не успела. Во дворе раздался страшный грохот, а в следующую секунду дом сотрясся от удара такой силы, что из окон вылетели стекла. В шкафах задребезжала посуда. С потолка посыпались куски штукатурки.

Сразу понять, что случилось, было невозможно. Сильного землетрясения здесь быть никак не могло. На взрыв произошедшее похоже не было. Ни дыма, ни огня не наблюдалось, хотя тянуло выхлопными газами.

Женщина была в шоке. Муж старался сохранять хладнокровие, но дернулся не меньше ее, услышав весь этот шум. Прежде чем идти проверить, что же все-таки стряслось, он справился у жены о самочувствии. Та сказала, что все нормально, только испугалась сильно.

Он успокоительно погладил ее по руке, на всякий случай протянул таблетки и сказал:

- Выпьешь одну, если вдруг станет хуже.

Отец Ани быстренько оделся. Стоило ему выйти из комнаты, как ситуация мгновенно прояснилась. Он опешил от того, что открылось ему взору.

Стена, отделявшая часть дома от веранды, была почти полностью разрушена. Посудный шкаф, холодильник и стол лежали на полу, прямо под колесами огромного грузовика, который буквально въехал в дом. Это был старый «КрАЗ». Двигатель его заглох.

Хозяин дома не мог решить, что делать дальше. Поколебавшись несколько минут, он все-таки решился выйти во двор и только там смог в должной мере оценить последствия этой странной аварии. Грузовик снес часть забора, покорежил близлежащие хозяйственные постройки и практически полностью уничтожил веранду. В общем, ущерб был нанесен очень сильный, хотя и не критический.

Старику было больно смотреть на такие разрушения. Ведь при строительстве дома он и его жена положили немало сил. Капитальный ремонт, который предлагал провести за свой счет зять, должен был начаться через пару месяцев. Предполагалось, что он обойдется в весьма кругленькую сумму. Сколько денег понадобится на то, чтобы восстановить разрушения, причиненные грузовиком,

даже подумать было страшно.

Причины аварии были непонятны. Что такого должно было произойти рядом с домом, чтобы огромный грузовик прямоком въехал во двор и натворил всех этих бед? Дом находился на тихой улочке. Никакого шоссе поблизости не было. К тому же ночь.

Анин отец сопоставил все эти факты и невольно пришел к выводу, что это ДТП произошло отнюдь не случайно. Он осторожно пробрался к кабине «КрАЗа», чтобы справиться о судьбе водителя. Дверка была открыта настежь. Следов крови не замечалось.

Старик поднялся на ступеньку и заглянул в кабину. Водителя на месте не было. Это еще больше усилило подозрения в том, что происшествие было спланировано преднамеренно, а его главный исполнитель удачно ретировался. Возвращаясь к жене, хозяин дома увидел на полу разбитые настенные часы. Они остановились от удара в три часа ночи.

– Милый, ну что там? – раздался взволнованный голос жены, которая услышала знакомые шаги.

– Кажется, кто-то нарочно хотел снести наш дом грузовой машиной, – ответил он, возвращаясь к супруге.

– Боже! – воскликнула она. – Надо вызвать полицию.

– Да и МЧС тоже, – проговорил мужчина, поднимая трубку домашнего телефона.

7

Утром следующего дня Анна Тверская, все еще черная от переживаний и треволнений последней недели, отправилась в Москву из загородного дома, который до недавнего времени принадлежал ее мужу. Это был роскошный трехэтажный особняк в элитном поселке Николина Гора.

Как вдова ни старалась привести себя в порядок, полностью скрыть отпечаток горя, лежащий на лице, ей никак не удавалось. В надежде на то, что это когда-нибудь да пройдет, она сделала себе макияж. Так было все-таки лучше, чем просто с заплаканным, потемневшим лицом, с кругами под глазами. Она еще ничего не знала о том, что произошло ночью в ресторане и дома у ее родителей. Администратор заведения и отец с матерью решили не беспокоить Анну посреди ночи. Все прекрасно понимали, во что может вылиться ее очередное волнение.

Пребывая в неведении о случившихся происшествиях, вдова уселась за руль джипа, подаренного мужем, и покатила прочь из поселка. Стояло раннее утро. Пустынная дорога радовала женщину тем, что ей не приходилось ни маневрировать, ни реагировать на любителей погонять по автостраде. Анна ехала совершенно спокойно, без всяких внешних помех.

Мысли бурлили в голове, однако она не давала им воли, была внимательной и следила за дорогой. Радиоприемник Анна специально не включала. Не хотела, чтобы песенки и до одури бодрые голоса ведущих выносили ей мозг. Она ехала не быстро, но и не медленно, так, как предписывали дорожные знаки.

Женщина не сильно любила быструю езду. Теперь же она еще и полагала, что это может оказаться чреватым. В общем, вдова осознавала свое состояние после всего случившегося и старалась не дразнить судьбу. Ее скорбь по покойному мужу была велика, но отправляться вслед за ним на тот свет Аня не собиралась.

Включился красный сигнал светофора. Джип остановился. Женщина не собиралась нарушать правила дорожного движения, даже несмотря на то, что машин поблизости не наблюдалось.

Почти вплотную к дороге за бетонным забором шла стройка. Анна не придавала этому практически никакого значения. Она лишь на секунду удивилась, что таким ранним утром на стройке работает подъемный кран. Но эта мысль как мелькнула, так и исчезла. Уж что-что, а чужие стройки ее заботили меньше всего.

Подъемный кран между тем поднял бетонную плиту. Вдова смотрела на дорогу перед собой и поглядывала на светофор. Однако боковым зрением она невольно уловила и движение стрелы подъемного крана. Та вместе со своим массивным грузом странным образом разворачивалась в сторону дороги. Прежде чем

женщина поняла это, загорелся зеленый сигнал светофора.

Джип тут же тронулся с места и двинулся вперед. После этого не прошло и пары секунд, как приключилось невероятное.

На то самое место, где только что стоял джип Тверской, со страшным грохотом свалилась бетонная плита! Удар был настолько мощным, что асфальтовое покрытие оказалось пробитым. Сама плита раскололась на несколько частей, которые разлетелись в разные стороны.

Если бы поблизости оказались машины или по обочине шли пешеходы, то они вряд ли увернулись бы от одного из свистящих осколков. Машины от этого получили бы серьезные повреждения, а вот человека подобным куском железобетона могло и зашибить насмерть.

Однако все обошлось. Автобусная остановка находилась метрах в пятидесяти от места падения плиты. Несколько автомобилей, приближавшихся к перекрестку, заблаговременно притормозили. Водители издали заметили странный поворот стрелы подъемного крана и посчитали за лучшее не торопиться. По сути, они приняли верное решение.

То, что случилось, не лезло ни в какие ворота. Происшествие выглядело, мягко говоря, из ряда вон выходящим. Все невольные свидетели случившегося были просто ошеломлены, но вместе с тем и рады. Радовались они, естественно, тому, что падение злополучной плиты не привело к человеческим жертвам.

Грохот слышала и Анна. Да и не только слышала, но и видела, как нечто огромное мелькнуло в зеркале заднего вида и свалилось на шоссе. Женщину передернуло от этого зрелища и от внезапной мысли о том, что этот массивный груз предназначался именно для нее.

Но долго размышлять по этому поводу ей не пришлось. Зазвучал мобильник. Кто-то звонил с номера, отсутствующего в списке контактов Тверской. У вдовы не было предрассудков по поводу звонков с неизвестных номеров.

- Только бы не журналисты, - прошептала она и приняла вызов.

Из динамика мобильного телефона сразу же вырвался хриплый мужской голос, не позволивший вдове сказать даже элементарное «алло».

– Слушай меня, козочка, и не рыпайся, – говорил незнакомец, явно не заботясь о выборе слов. – Думаю, ты просекла, что эта плита долбанулась возле твоего джипа не просто так. Это тебе, милая, намек на то, что наши намерения очень серьезные. И не пытайся нас наколоть, не стоит.

– Кто вы и что хотите? – изумленно спросила Анна, ощущая, как мурашки бегут по ее телу.

– Неважно, кто мы конкретно, – донеслось в ответ. – Важно, что твой певец должен очень уважаемым людям огромную сумму денег. Сам-то он коньки откинул. Мы это знаем. Но по счетам все равно платить надо. А ты, дорогуша, в этом смысле не чешешься. Очень даже зря. Счетчик-то ведь работает давно и нащелкал уже очень много. Мы все понимаем. Ты баба молодая. Тебе деньги нужны. По миру тебя пускать не собираемся. Мы лишь хотим, чтобы те сорок миллионов американских рублей, которые твой муженек хранил на зарубежных счетах, перешли к нам в качестве погашения задолженности. А все его здешние бизнесы пускай уж достаются тебе. Сдается мне, что это вполне справедливо. Такое решение не должно вызвать твоих возражений. Мы надеемся, что ты отдашь нам эти деньги без лишних брыканий.

– Пойдите-пойдите! – не выдержала Анна. – Я ничего не знаю о долгах мужа. Он никогда об этом не говорил. Как я могу быть уверена, что вы не лжете? Вдруг вы какой-нибудь мошенник, пытающийся воспользоваться ситуацией?

– Ты не кипятись так сильно, крошка, – абсолютно невозмутимым ледяным голосом хрипел незнакомец. – Все отражено в документах, копии которых тебе пришлют сегодня днем. Сама во всем убедишься, если уж такая недоверчивая. Ты только к ментам не вздумай обращаться. А то, не дай бог, снова что-нибудь случится. Ты же знаешь, улицы полны неожиданностей. Так что будь покладистой и сговорчивой. Тогда все для тебя закончится хеппи-эндом. – Вымогатель гнусно хохотнул и сбросил вызов.

Вдова к тому времени успела остановиться у обочины. Она не могла ехать и слушать все эти угрозы. Все, что сказал незнакомец, огорошило ее, застало врасплох.

Женщине не хотелось верить в правдивость всего услышанного. Однако ей на ум невольно приходила старая присказка о том, что беда в одиночку не ходит. Она всегда ведет за собой своих подружек. Все мысли теперь были лишь об этом звонке.

Дела, по которым Анна ехала в Москву, пришлось спешно отменить. Некоторое время она сидела в оставленном джипе и размышляла, кому стоит позвонить с просьбой о помощи. На поминках по мужу прозвучало немало клятв и заверений. Вот так через считанные дни пришло время проверить, насколько все эти слова были искренними.

Поколебавшись, Тверская судорожно схватилась за отложенный мобильник и принялась искать в списке абонентов номер генерала Валерия Куценкова. Его кандидатура на роль помощника в этом щекотливом деле показалась ей самой уместной.

8

Встреча состоялась безотлагательно. Едва услышав голос вдовы Тверского, Валерий Максимилианович выразил готовность и выслушать ее, и помочь ей в случае необходимости. Он подтвердил свое обещание, которое дал на поминках.

Анна обрадовалась тому, что ей не пришлось уговаривать генерала, долго ждать принятия решения. Все произошло очень быстро. Вот она позвонила, и он согласился встретиться с ней. Хотя вдова была уверена в том, что у Куценкова хватало своих важных и неотложных дел. Встретиться они решили на нейтральной территории – в небольшом элитном ресторане, расположенном в центре Москвы.

Тверская и Куценков сидели за столиком в отдельном кабинете. Генерал решил совместить дела с обедом и заказал самые шикарные здешние блюда. Вдова же взяла себе лишь травяной чай и пару булочек с корицей. К ней все никак не мог вернуться аппетит.

Да и как ему было вернуться, если вокруг стало твориться черт знает что! Она уже узнала о полуночном инциденте в ресторане, еще недавно принадлежащем мужу, и о странной аварии, в результате которой был полуразрушен дом ее родителей в Подмоскowie. Аня рассказала собеседнику обо всем этом, как и о происшествии с подъемным краном и упавшей плитой. Она поведала ему о телефонном звонке и требованиях вернуть некие долги Владимира Тверского.

– Да-а, – задумчиво протянул Валерий. – Эти события не могут быть случайными. Это все не стечение обстоятельств, а звенья одной цепи. Кто бы ни стоял за всем этим, он серьезно подготовлен. Но вот не блеф ли насчет долгов Володи? Может, это все лишь большая игра с целью сорвать огромный куш, пользуясь твоим, Аня, неведением.

– Я тоже подумала о блефе, – проговорила в ответ женщина. – Однако мне сегодня уже успели прислать кое-какие бумаги. Тот хриплый мужик, который звонил с утра, обещал представить документы о долгах Володи. Кажется, он выполнил свое обещание. Я их просмотрела, но мало что поняла.

Вдова выложила на столик папку, в которой хранилась тоненькая стопка стандартных листов бумаги. Генерал с любопытством пододвинул папку к себе и принялся изучать ее содержимое.

– Ксерокопии, – по ходу комментировал он. – Да еще такие неаккуратные. Черные по краям. Будто специально небрежность свою демонстрируют. Непонятно, кстати, зачем.

– Может, оригинал изначально является фальшивкой? – предположила вдова.

– Трудно сказать, – пробормотал генерал, углубившись в чтение документов. – Лично мне сдается, что эти копии сняты с настоящих документов. А вся эта неаккуратность нарочно допущена для того, чтобы лишний раз продемонстрировать пренебрежительное отношение к тебе. Раз уж они так сильно давят тебе на психику, то наверняка продумали все до мелочей... Ну, ты посмотри! У меня все пальцы уже в этой черной краске. – Валерий Максимилианович взял салфетку и продолжил, пытаясь оттереть черноту: – Я смотрю на тебя, Анечка, и сердце кровью обливается. Мало того, что муж твой погиб, так еще следом целый каскад неприятностей. Это ненормально. Но полагаю, мы со всем этим справимся.

– Спасибо, – скромно поблагодарила Тверская и поинтересовалась: – А можно ли как-то проверить эти бумаги на подлинность? Все-таки у меня большие сомнения насчет них. Володя никогда ничего от меня не скрывал. Дела у него шли хорошо. Бизнес был на подъеме. Муж собирался в следующем году еще пару ресторанов открыть здесь, в Москве, а еще в Питере и Нижнем Новгороде. А тут мне вдруг говорят, что он сорок миллионов долларов кому-то должен. Сорок миллионов! Это же не иголка в стоге сена, в конце-то концов!

– Ну да. Возможно, в этом есть какой-то резон, – согласился собеседник. – Если хочешь, я могу отдать эти бумаги на экспертизу. Это несложно.

– Была бы очень признательна, – сказала Анна и тут же спросила о другом: – А как продвигается следствие по делу об убийстве Володи? Накопали уже что-нибудь? Или все глухо?

– Я тебе скажу, что преступление было тщательно спланировано, – забирая папку с ксерокопиями, заявил Куценков. – Наши спецы установили, что выстрел был произведен с крыши соседнего здания. Казалось бы, в районе культурного центра установлено множество камер наружного наблюдения. В объектив какой-нибудь из них должен был попасть и убийца твоего мужа. Но что же вышло в действительности? Никаких видеосъемок в тот день почему-то не производилось. Все камеры дружно, словно по мановению волшебной палочки, вышли из строя. Что за Гарри Поттер там поработал, мы пока не знаем. Свидетелей никаких. По крайней мере, никто до сих пор не отыскался. А все те люди, которых опросили наши сотрудники, ничего и никого подозрительного в тот день не заметили. Но сами обстоятельства, при которых произошло убийство, наталкивают на определенные соображения. Как это ни горько будет признать, но, по всей видимости, у убийцы был свой информатор из ближайшего окружения Володи. Иначе совершенно непонятно, как киллер узнал о времени появления твоего мужа в этой конкретной примерке. Киллер не мог весь день сидеть на крыше и шарить прицелом по окнам культурного центра в надежде на появление желанной цели в одном из них. Однако у нас нет никаких зацепок, чтобы вычислить крысу.

– Ничего себе, – изумленно пробормотала вдова, тщетно пытаясь представить, кто мог оказаться такой вот крысой. – А есть ли какие-то наметки по поводу того, кто мог заказать убийство Володи?

– С этим тоже пока полный швах. – Валерий развел руками. – Явных врагов у Володи не наблюдалось. Кому и по какому поводу он мог перейти дорогу, тоже абсолютно непонятно. Но если учесть то, как все тщательно было спланировано и проведено, то за убийством наверняка стоят очень серьезные люди. Как бы следствие не застопорилось из-за этого...

– А что? Может застопориться? – балансируя на грани разочарования, уточнила вдова.

– Ничего. Я задействую свои каналы. Несмотря ни на что, мы постараемся добраться до этих негодяев. Я уверен, что в итоге никто из прямых и косвенных участников этого преступления не останется безнаказанным. Они не уйдут от возмездия!

Впрочем, Анну его очередное обещание успокоило мало. Слишком уж много неопределенности накопилось за эти дни. Она вспомнила того странного незнакомца, который во время похорон мужа стоял у соседней могилы и наблюдал за происходящим со стороны.

В свете всех случившихся событий у нее появилась догадка, что это был кто-то из людей, причастных к бедам, приключившимся в течение последних суток. Вдова даже подумала, что это вполне мог быть тот хриплый мужлан, который достал ее утром своим телефонным звонком с требованиями погасить долги Владимира.

Женщина слушала заверения генерала и раздумывала, стоит ли поведать ему о своих подозрениях. Когда она уже почти решилась рассказать об этом собеседнику, зазвонил мобильник. Аня даже дернулась от этого, чего с ней давным-давно не бывало. На экранчике телефона было написано: «Номер абонента скрыт».

Ничего хорошего от этого звонка Тверская не ожидала. Она сразу же подумала, что это снова звонит тот же самый мужлан с очередными требованиями или вопросами по копиям документов о долгах мужа. С замиранием сердца она приняла телефонный вызов.

Ее предположения оказались ошибочными. Звонил не тот хриплый вымогатель. Однако, как сразу же выяснилось, сути проблемы это практически не меняло.

- Алло. Тверская? Это ты? – слышался в мобильнике молодой женский голос.

Анна удивилась. Эта особа явно не была ей знакома. Бесцеремонность, с которой та обратилась к ней, сразу же насторожила Анну.

- Девушка, прошу прощения, но мы с вами, кажется, не знакомы. Вести себя так с... – безуспешно попыталась втолковать вдова, однако нахалка ее перебила.

- Эту хрень ты будешь втюхивать кому-нибудь другому, – все в той же нахальной манере проговорила она. – Не вздумай отключаться. Тебе же хуже будет. Дело у меня к тебе есть. Очень важное в первую очередь для тебя. С мужем твоим покойным связанное. Усекла?

- Не совсем, – пробормотала вдова, не найдя иного ответа на услышанное.

- Не нуди, – сквозь ухмылку заявила незнакомка. – Жду тебя через полтора часа на Тверской площади. Возле памятника. Если не придешь, пожалеешь. Все. Жду. Целую в десны, рыба моя.

Вдова несколько секунд приходила в себя от напора наглости, который обрушился на нее из динамика мобильного телефона. Куценков вопросительно смотрел на Анну.

9

Неприятности Анны продолжались. В условленное время она приехала на Тверскую площадь, где подобрала молодую женщину с трехлетним ребенком. Они решили побеседовать прямо в машине. Вдова лишь позаботилась о том, чтобы найти место на парковке. Разговаривать и одновременно вести джип она не хотела.

Резкая и бесцеремонная незнакомка в реальности оказалась разбитной сексапильной блондинкой лет двадцати пяти от силы. Она представилась как Евгения Самара и без малейшего стеснения перешла к делу, ради которого,

собственно, и вытащила вдову известного шансонье на эту встречу.

– Время спуститься на землю, дорогуша, – жуя жвачку, говорила блондинка. – Ты все время летала где-то там, в своих розовых облаках, и не видела ни черта из того, что происходило у тебя под носом. Да ты и сейчас, даже после гибели Вовы, так, в общем-то, и не приземлилась. Зацепилась за облачко и пытаешься спрятать в него свою мордашку. Нет, не выйдет. Спускайся на землю и посмотри на реальность, детка.

– Да что вы себе позволяете?! – Анна не сдержалась и выразила свое возмущение. – Будете так с подружками разговаривать!

– Не ори. Ребенка испугаешь, – прошипела на это блондинка и добавила: – А мы с тобой и есть подружки. Заочные. Правда, ты о моем существовании никогда не подозревала. Я целых четыре года была любовницей твоего дорогого супруга.

Чего-чего, а такого поворота событий вдова никак не ожидала. Заявление беспардонной собеседницы застало женщину врасплох. Она резко повернула голову, уставилась на нахалку и застыла, будучи не в силах отыскать подходящие слова, чтобы выплеснуть гремучий коктейль, состоящий из ошеломления, злости и недоверия.

– Ну и что ты на меня пялишься? Не веришь? А все так и есть, – гнула свою линию Самара. – Четыре года, от звонка до звонка. Пока ты думала, что Вова весь в делах по уши. А он не в делах был, а во мне! Просекаешь?

– Ты хочешь сказать, что этот ребенок от Володи? – превозмогая ступор, спросила вдова.

– Нет, вы только посмотрите на нее! – театрально воскликнула Евгения. – Что, неужто сразу не догадалась? Ты реально не от мира сего. Ну да ничего. У тебя есть все шансы исправиться, почувствовать вкус настоящей жизни. Я тебе в этом помогу. Да, этот малыш – наш общий с Вовой сын. Дитя страсти, так сказать. Я могла бы тогда сделать аборт, но Вова не позволил. Он захотел, чтобы я сохранила ребенка, любил его, баловал. Да и меня тоже. Но теперь, когда Вова погиб, я осталась с сыночком на руках. В стесненных условиях. Деньги, которые он мне последний раз давал, уже почти закончились.

Анна внимательно слушала блондинку, силясь не заплакать.

– Так ты хочешь, чтобы я помогала тебе и твоему сыну деньгами? – уточнила она максимально отстраненным голосом.

– Нет, милочка, – Самара отрицательно помотала головой. – Ты меня не поняла. Я не помощи от тебя хочу, а половину всех денег, которые тебе достались после смерти мужа. Думаю, что это будет вполне справедливо. В конце концов, я подарила ему продолжателя рода, чего не получилось у тебя. Или ты считаешь, что сын Владимира Тверского недостоин лучшей жизни?

– Я считаю, что ты аферистка, пытающаяся нагреть руки на гибели моего мужа, – взяв себя в руки, заявила Анна. – По-моему, ты все врешь. Не было у тебя связи с моим Володей. Твой ребенок не от него.

– Хреново ты считаешь! – Реакция блондинки не заставила себя ждать. – Никакая я не аферистка. Если ты не веришь, что малыш от твоего мужа, то вот тебе официальный документ. – Девушка извлекла из сумочки какую-то бумагу, протянула ее вдове и попутно пояснила: – Это заключение экспертизы по ДНК. Прочти, и ты поймешь, что я тебе не вру.

Женщина пробежалась глазами по документу. Исходя из его содержания, получалось, что блондинка была права. Владимир Тверской действительно являлся биологическим отцом ребенка. Однако, как и в случае с долгами мужа, Анна усомнилась в подлинности документа.

– Что? Не веришь, что настоящее? – Самара будто уловила ее мысли и продолжила с явным угрожающим нажимом: – Зато газетчики и телевизионщики поверят без проблем. Да и в суде тоже. Ты этого хочешь? Желаешь получить громкий скандал, налепить пятен на репутацию покойного мужа? Если хочешь, то все это будет. Уж поверь, тебе дешевле обойдется, если ты со мной любовно договоришься. Если же дело дойдет до суда, то ты потеряешь гораздо больше. Уж будь уверена, я обязательно отсужу у тебя и деньги, и рестораны. Так что, подруженька, лучше не играй с огнем. Я все равно всегда буду идти на один шаг впереди тебя.

Говоря все это, Евгения смотрела на вдову странным скользящим взглядом. Речь ее, полная хамоватых оборотов, была очень уверенной. Анна не могла понять, то

ли блондинка так хорошо играла, то ли на самом деле полагала, что сумеет победить. Это непонимание вызывало растерянность, порождало ощущение неопределенности. Женщина не знала, как ей следует поступить в данной ситуации.

Сгоряча она хотела просто выгнать бессовестную вымогательницу из машины и крикнуть вдогонку, чтобы та больше не лезла туда, куда не следует. Но трезвый разум удерживал ее от этого, подсказывал, что вся история сексапильной девахи вполне могла быть чистой правдой. Следовало каким-то образом это проверить.

Так она выбрала золотую середину, если такое вообще возможно при общении с шантажистами и вымогателями. Тверская решила пока не говорить ни «да», ни «нет», а взять время на раздумье.

- Ты тут много всякого наговорила, - выдавила вдова, заставив себя успокоиться. - Очень много информации. Мне нужно подумать, переварить все. Хотя бы пару дней.

- Хорошо. Переваривай. Смотри только, чтобы несварения не вышло. Я сама с тобой позже свяжусь. Не исчезай, принцесса, - все тем же наглым тоном ответила ей Самара и вместе с ребенком вышла из джипа.

При этом она нарочито сильно хлопнула дверью, после чего обернулась и с легким шутовским поклоном прокричала:

- Извиняй, я забыла, что это не холодильник.

Дамочка быстро удалилась со стоянки.

- Вот стерва! - пробормотала Аня, тяжело дыша и крепко схватившись за руль.

Эта встреча ее изрядно утомила, еще больше расшатала нервы, и без того находящиеся на пределе. Чтобы успокоиться, она сделала дыхательную гимнастику и лишь затем завела двигатель. Отъезжая, женщина поглядывала в зеркало заднего вида и в боковые окна машины.

Совершенно неожиданно для себя она увидела знакомую мужскую фигуру. Тот самый загадочный незнакомец, на которого она обратила внимание во время похорон, стоял неподалеку и практически в открытую смотрел на маневрирующий джип Тверской.

Женщина снова разволновалась, но приложила все усилия для того, чтобы волнение никак не сказалось на управлении автомобилем. Она вырулила со стоянки и покатила прочь. Анна окончательно утвердилась в мысли, что странный наблюдатель с определенно уголовной внешностью явно имеет отношение ко всем ее неприятностям.

«Удивительно, что эта белобрысая хамка не засветилась возле него», – подумала Тверская, сворачивая на площадь.

10

Вдова не сумела бы сказать, быстро или медленно минули следующие две недели. Ощущение времени у нее сильно притупилось. Да иначе и быть не могло. Ведь женщине изо дня в день приходилось жить подвешенной на нерве! Ни один день из всей вереницы не выдался спокойным. Постоянно что-то происходило. Правда, без такого экстрима, как разлив бензина в ресторане, разрушение части дома родителей или железобетонная плита, сброшенная с крана. В основном ее донимали словесными угрозами и требованиями.

Раз пять Анне дозванивались неизвестные негодяи и напоминали о растущем долге. Причем все звонки были похожи друг на друга схемой своего исполнения.

Женщина отвечала на вызов и обычно слышала приятный мужской голос. Собеседник вежливым тоном справлялся о ее делах и здоровье. Лишь когда она начинала уточнять, кто с ней разговаривает, все резко менялось. Вежливый тон превращался в снисходительный и подчеркнуто издевательский. Ей говорили, что ее дела и уж тем более здоровье могут резко испортиться, если госпожа Тверская не позаботится о выплате долгов покойного мужа.

Никто из этих субъектов никогда не срывался на крик. Они угрожали ей, в общем-то, без особого напряжения. Иногда женщине даже казалось, что данные личности получали немислимое удовольствие, изводя ее. Она что-то отвечала, ссылаясь на то, что копии документов не до конца изучены, точно не установлена подлинность подписей Владимира, которыми были скреплены долговые расписки.

Ее почти не слушали, сразу прерывали и говорили:

– Это не наше дело. Авторитетные люди дали вам шанс, так пользуйтесь же им. Но не забывайте, что счетчик продолжает щелкать.

Вдове пришлось снова пообщаться с Самарой. Блондинка периодически названивала ей, продолжая угрожать. Естественно, что те два дня, которые Анна взяла себе на размышление, ничего не дали. Она никак не могла прийти к окончательному решению по поводу требований разбитной дамочки, представившейся любовницей погибшего шансонье.

Евгения, между тем, тоже пока не спешила, не предпринимала каких-то конкретных шагов к тому, чтобы воплотить в жизнь свои угрозы. Однако в словах и поведении она становилась все наглее и развязнее.

После первой и единственной встречи с ней Анна была уверена в том, что блондинка продемонстрировала потолок своей наглости и хамства. Нет, она ошибалась и понимала это всякий раз, когда во время очередного телефонного звонка блондинка вкручивала в разговор новую фамильярность или похабщину. Общим же посылом ее звонков было обещание созвать пресс-конференцию, чтобы предать дело огласке.

– Уж если я дорвусь до микрофона, то выведу твоего почтенного покойного супруга на чистую воду, – заявила она. – Это как же он мог все завещать только тебе, а своего ребенка оставить без копейки?! Я скажу, что он был негодяем, и об этом напишут во всех газетах и журналах. Тогда посмертной репутации твоего муженька придет полный трындец. Все начнут перемывать ему кости. Мол, мало, что он погуливал, так еще и скупердьяем оказался. Людишки-то любят, когда развенчивают кумиров. Ну а твой дражайший супруг тем временем будет непрерывно ворочаться в своем гробу от всех этих пересудов. Думаю, что ты такого не хочешь. Если, конечно, не задумала построить электростанцию на

могиле своего мужа, вертящегося в гробу. Он в качестве турбины очень даже подошел бы.

Тверской было неприятно выслушивать подобные тирады, но при этом она делала определенные выводы. Ей казалось, что с такой злостью и сарказмом могла говорить лишь по-настоящему обиженная женщина.

Получалась парадоксальная ситуация. Чем больше блондинка наезжала на покойного певца, тем крепче становилась уверенность вдовы в том, что эта наглая девушка не врет. Но, с другой стороны, Аня не могла взять в толк, как Владимир мог иметь интимную связь с такой вот чертовкой, как Евгения Самара. В ней она видела полную противоположность себе.

К хору всех этих персон нежданно-негаданно присоединился Бренер. После той своей пространной речи, произнесенной на поминках и переполненной всевозможными заверениями в дружбе и обещаниями помочь вдове, продюсер вдруг запел совершенно другие песни. В переносном смысле, конечно. Вокальными данными он никогда не обладал, зато имел хорошее зрение, особенно в тех случаях, когда можно было рассмотреть лишнюю копейку для себя.

Вот и сейчас Артем стал буквально третировать вдову, выдвигать достаточно алчные претензии на часть денег покойного шансонье. После всего пережитого Анна даже и не стала удивляться, когда услышала его. Впрочем, это не означало, что ей было приятно сознавать, что выискался еще один претендент на долю в наследстве.

Продюсер старался выглядеть убедительным. Он взывал к справедливости, утверждал, что сделал из Владимира настоящую звезду. Со стороны Артем смотрелся как настырный дятел, который бесконечно долбил в одну и ту же точку. Хотя сама Тверская, в сотый раз выслушивая его просьбы поделить по-справедливому, сравнивала продюсера с хитрецом, который вознамерился порыбачить в мутной воде.

– Чтобы и рыбку съесть, и на елку не взлезть, – мрачно сыронизировала вдова, окидывая взглядом человечка, кого, по сути дела, можно было преспокойно именовать предателем.

Тучи все сгущались. Генерал Кущенко сообщил Тверской о результатах экспертизы ксерокопий документов по долгам ее покойного мужа. Ничего утешительного он рассказать не сумел. Судя по всему, шансонье действительно был должен огромную сумму денег людям из очень влиятельной организованной преступной группировки.

По крайней мере, графологическая экспертиза определила, что подпись на документах принадлежит именно Владимиру Тверскому. Группировка, как опять-таки поведал Валерий Максимилианович, имела могущественных покровителей в самых высоких эшелонах власти.

– Ты понимаешь, к лидеру этой ОПГ невозможно подобраться, – с отчаянным надрывом в голосе пояснял он Анне. – Он прикрыт наглухо со всех сторон. Мы даже элементарную проверку его экономической деятельности провести не сможем. Все санкции и полномочия будут в один момент аннулированы, стоит нам только рыпнуться, косо посмотреть в его сторону! Особенно печально осознавать тот факт, что даже я при всем своем положении и множестве связей в верхах оказываюсь не в состоянии что-либо сделать. Это неприступная цитадель. Тут можно сломать все зубы, а заодно и челюсть.

Женщина резонно спросила, что же следует делать в сложившейся ситуации. Генерал развел руками и сказал, что лучше всего встретиться с представителем этих бандитов и заявить о согласии выполнить требования, выдвигаемые ими. Он предположил, что бандиты могут пойти на некоторые уступки, если вдова попытается грамотно поторговаться, добиться лучших условий.

– А если ты просто упрешься и будешь их игнорировать, то ничего хорошего из этого не выйдет. – Валерий стал обрисовывать возможную картину развития событий в случае отказа Анны погасить долги мужа. – Да, мы можем предоставить тебе круглосуточную охрану. Но это мало что изменит. Даже если мы встанем вокруг твоего дома в три кольца, эти негодяи все равно найдут способ, позволяющий добраться до тебя. Но начнут-то они наверняка с твоих родственников.

После этого Анна Тверская обратилась за помощью к Резвану Алиеву. Она предположила, что если уж генерал МВД не был в состоянии оградить ее от претензий бандитов, то влиятельный криминальный авторитет, наверное, каким-то образом сможет повлиять на изменение ситуации к лучшему.

При встрече с ним выяснилось, что он ни сном ни духом не ведал ни о каких былых долгах Владимира. Авторитет заявил, что ничего не слышал и о том, что кто-либо из лидеров преступных группировок высказывал претензии на деньги погибшего шансонье. Поэтому, по его словам, экспертиза могла и ошибиться. Тем более что исследованию подвергся не оригинал долгового документа, а ксерокопия.

В ходе разговора Анна упомянула о блондинке и ребенке, которого та выдавала за внебрачного сына Тверского. Вот тут уж кавказец напрямую, без обиняков признался в том, что мальчик действительно родился от певца.

– Я давно об этом знал, – ничуть не смущаясь, проговорил он. – Но не хотел рассказывать тебе. Ты сильно расстроилась бы. Да и мужскую солидарность еще никто не отменял.

У Анны заняло сердце. Снова получалось так, что до гибели Володи она жила словно слепой котенок, запертый в маленькой камерке. Лишь сейчас глаза ее стали раскрываться, и оказывалось, что мир вокруг совсем не такой, как ей представлялось еще недавно.

Резван посоветовал Анне выполнить требования Евгении Самары, отдать ей половину всех активов и бизнеса покойного шансонье.

– Это же его ребенок. В нем течет Володина кровь. Блондинка, о которой ты говоришь, сама вряд ли сможет обеспечить малышу достойную жизнь. Пускай она хоть трижды хамка и нахалка, но мальчик-то здесь при чем? Я думаю, что ради него ты могла бы и согласиться на условия этой девки. Ведь если ты ей не поможешь, то скандал и прочее вполне переживешь. А вот как ты справишься с угрызениями совести, это еще очень большой вопрос, – приняв облик эдакого мудрого старца, рассуждал Алиев.

Вдова пока не была готова принять окончательное решение по этому вопросу. Сомнения продолжали глотать ее изнутри.

Настроение у Анны было таким, что хоть в петлю лезь. Она не знала, с кем еще можно поговорить, чтобы получить если не дельный совет, то хотя бы призрачное успокоение.

Однажды вечером, когда на нее накатила очередная волна уныния и безысходности, вдова села за руль джипа и укатила из дому. Она не собиралась топить свою меланхолию в стакане с виски либо лечить ее встряской в каком-нибудь модном элитном ночном клубе.

Анна направилась на Троекуровское кладбище. Ее влекло непреодолимое желание побыть одной на могиле единственного любимого человека, который безвозвратно ушел в мир иной. Он наверняка не допустил бы всего этого сумасшествия, которое творилось теперь вокруг нее. По пути она вспоминала прекраснейшие моменты, связанные с Володей, улыбалась и плакала. Все ее эмоции перемешались, а нервы были стянуты в тугой клубок.

Вдова помнила, где находится могила покойного мужа. Перекрестившись, она миновала ворота кладбища и побрела по аллейке мимо крестов и памятников. Шла она достаточно медленно, словно подчеркивала тем самым, что бег и суэта нашего бренного мира остались там, за кладбищенскими воротами.

Ее пульс с каждым шагом учащался. Женщина не только слышала, как бьется в груди сердце, но и чувствовала, как каждый удар отдавался в висках. Ощущение было не из приятных. Ее ноги невольно стали подкашиваться, а в глазах, будто стоп-кадры документального фильма, возникали картинки дня похорон. Вот здесь стояло оцепление. Отсюда увели ретивого зеваку. А там...

Анна резко выдохнула и глубоко вдохнула, пытаясь тем самым справиться с наваждением и взять себя в руки. Однако эта дыхательная гимнастика оказалась бесполезной. Тверскую вдруг повело в сторону. Ей пришлось схватиться руками за ближайшую ограду, чтобы не свалиться на землю.

Благо силы и рассудок не покинули ее полностью. Она снова отдышалась, подняла голову и увидела, что прямо на дорожке, ведущей к могиле Владимира, возникла мужская фигура.

Вдова вздрогнула, так как сразу поняла, кто это. Тот самый таинственный незнакомец, которого она видела на похоронах, теперь размеренным, но очень твердым шагом направлялся в ее сторону. Предчувствуя самое плохое, что только может быть, Анна попятилась назад. Ей хотелось бежать прочь и не оборачиваться, но ноги предали ее, никак не желали слушаться.

Незнакомец между тем приближался. Страх охватил женщину полностью, без всякой пощады. Понимая, что не может бежать, она попыталась закричать, однако ее горло было перехвачено жутким спазмом. Все это напоминало ночной кошмар. Но вот только очнуться, стряхнуть его никак не получалось.

Она обернулась, чтобы посмотреть, насколько близко подобрался к ней мужчина. Между ними уже было всего несколько метров. Этот человек что-то говорил, но Тверская не слышала ничего, кроме своего пульса, учащенного до невозможности. В глазах вдовы потемнело. Она рухнула на землю.

11

В подземном гараже, занимавшем цокольный этаж элитного дома, стоял микроавтобус с тонированными стеклами. В салоне находились двое. Лишь по голосам можно было понять, что это мужчины.

На этаже царил полумрак. Освещение внутри микроавтобуса включено не было. Мужчины, ведущие беседу, едва могли разглядеть друг друга, а уж со стороны их вообще нельзя было заметить. Угадывались лишь маловыразительные силуэты.

Для того чтобы хоть что-то разглядеть, следовало подойти вплотную к микроавтобусу. Делать этого никто не пытался, а если бы вдруг и собрался, то остаться незамеченным все равно не сумел бы. Звук шагов всякого, кто шел по гаражу, моментально отзывался эхом. Поэтому собеседники на все сто были уверены в том, что никто не подберется к ним со стороны и не подслушает.

Их разговор был подчеркнута деловым, велся по существу. В нем не было места ни шуткам, ни лирическим отступлениям, ни пустым репликам. Собеседники явно находились в неравном положении. Один из них был подчиненным, а второй – его хозяином, боссом.

Подчиненный отличался примечательным хриплым голосом. Он постоянно сбивался на более громкий тон, чем это было необходимо. Хозяин же говорил тихо, но неизменно уверенно и властно. Так, наверное, держался бы великий стратег, убежденный в своей правоте, который разложил все карты и принял

единственно верное решение о внезапном наступлении на противника. Несмотря на голос, какой-то блеклый, лишенный эмоциональности, он упивался тем, что вершил чужие судьбы так легко, будто передвигал фигурки по шахматной доске.

– Почти полмесяца прошло. Так где же результат? – спросил он.

– Баба явно дозревает до нужного решения. Еще несколько дней, и она приползет с согласием, – отвечал хриплоголосый тип, стараясь держаться твердо. – Все отдаст. Никуда не денется. Мы же столько всего сделали, чтобы надавить на нее. Должна же она в конце концов сломаться!

– Это уверенность, подкрепленная чем-то конкретным, или же просто желание? – уточнил босс и проговорил, не дожидаясь ответа: – Видимо, вы мало на нее давили, раз она все еще созревает. Другая давно сдалась бы. Не такой уж и слабой она оказалась. Ну да ничего. Сломаем. Уговоры пора заканчивать. Нужно снова, как и в самом начале, приступить к убеждению через действие. Вот что нам даст положительный эффект, а не все эти игры в телефонных вымогателей.

– Так что, опять активное давление? – переспросил подчиненный.

– Да. – Великий стратег утвердительно кивнул. – Надавите на нее покрепче. Тем более что в средствах вас никто не ограничивает. Ты со своими пацанами наверняка прижучишь эту одинокую закошмаренную бабенку. Только не забывай, что она нам нужна живой.

– Я постараюсь сделать все чин чинарем, – заявил хриплый мужчина, внутренне ликуя по поводу доверия, проявленного со стороны хозяина. – У меня, кстати, была одна задумка еще во время первой фазы, но я ее отбраковал. Тогда она показалась мне больно уж жесткой, а вот теперь будет в самый раз.

– Это хорошо, когда в ответ на спрос хозяина сразу же рождается предложение. – Босс оскалился. – Сейчас я не хочу вдаваться в подробности твоей задумки. Просто реализуй ее на практике.

– Да не вопрос! – тут же подхватил его слова собеседник, который явно ожидал завершения разговора, однако ошибся.

Хозяин выдержал небольшую паузу, будто вспоминал, что еще нужно было сказать, а потом заявил:

– Кстати, я так и не понял одну вещь. Что там за деваха с ребенком на руках объявилась? За каким хреном ее к вдове принесло? Вы вообще на нее хоть какое-то внимание обратили?

– Обратили, – растерянно ответил хриплоголосый тип.

– Ага. Наверное, только на ее бюст, а не на суть дела, – выдал босс.

– Мы были уверены в том, что это какая-то ее подруга, – малоубедительно промямлил его подчиненный, понимая, что оправдываться перед этим могущественным и влиятельным человеком просто бессмысленно.

– Ты не выкручивайся, а запоминай, что еще надо сделать. – Стратег и на самом деле не стал слушать оправданий. – Просто возьми и пробей точно, кто она такая, чего хочет и что за ребенка с собой таскает. Уж больно подозрительной кажется ее легенда. Ушлых девок, конечно, хватает. Но чутье мне подсказывает, что сама она до такого вряд ли додумалась бы. Поэтому постарайся выяснить, откуда у нее ноги растут. Не в буквальном смысле, конечно. А потом как знаешь. Может быть, полезное с приятным сумеешь совместить. Только не забывай, что полезное должно быть на первом месте. Я говорю о работе на меня.

Хриплоголосый тип приложил руку к груди и несколько манерно поклонился, выражая тем самым преданность своему хозяину.

12

Анна и тот самый неизвестный мужчина сидели в беседке, стоявшей неподалеку от могилы Владимира Тверского, и мирно беседовали. Все подозрения вдовы насчет загадочного незнакомца, как и приступ ужаса, охвативший ее на кладбище, оказались напрасными. Мужчина сказал, что его зовут Денис Карбалевич, и сообщил, что когда-то сидел вместе с Володей в одной колонии. Анна не видела в нем ни малейших признаков агрессии и согласилась на

разговор.

– Да, мне с вашим мужем довелось чалиться в одной зоне, – проговорил Денис так неспешно, словно тщательно подбирал каждое слово. – Время было еще то. Иногда думаю об этом, и одолевают сомнения. Не знаю, хотел бы я вернуться в те годы или же нет. Зона, сами понимаете, не сахар. Но вот благодаря Володе у меня имеются и светлые воспоминания о том времени.

Тверская внимательно смотрела на него, стараясь ничего не пропустить.

– Извините, а вас за что в тюрьму посадили? – спросила она. – Я по рассказам Володи знаю, что многие тогда попадали на зону за участие в организованных преступных группировках. Хотя хватало и дутых дел. Как, например, у моего мужа. Его просто подставили. Он оказался в нужное время в нужном месте.

– Нет! – Карбалеви́ч грустно ухмыльнулся. – Я не имел абсолютно никакого отношения к тем группировкам, даже косвенно никак с преступным миром не был связан. Впрочем, преступником при желании можно счесть кого угодно.

– Это как-то связано с вашей тогдашней работой? Или же какой-то несчастный случай произошел? – Аня не могла удержаться, на нее накатила волна любопытства.

Мужчина поднял на нее свои грустные серые глаза, и на мгновение они блеснули невероятно живым огоньком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kazancev_kirill/ocharovannaya-vdova

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)